

JEL classification: N20, P12
УДК 336.7(091)
DOI 10.17150/2308-2488.2021.22(1).7-36

А.Ю. Юданов
*Финансовый университет
при Правительстве РФ,
г. Москва, Российская Федерация*

РОЛЬ БАНКОВ В ФОРМИРОВАНИИ СООБЩЕСТВА ФИРМ (ТЕОРИИ И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ)

Аннотация. Работа посвящена поворотной точке экономической истории России — индустриализации и вызванному ею становлению национального сообщества компаний современного типа. С позиций экономической теории рассмотрена роль банков в формировании сообщества фирм в Российской империи. Предложен синтез двух классических концепций: решающей роли банков в общественном санкционировании инноваций (Й. Шумпетер) и их «миссии» в ходе индустриализации отсталых государств (А. Гершенкрон). Сделан вывод о том, что не только немецкие (как полагал Гершенкрон), но и русские банки выполнили историческую миссию создания крупной промышленности. С другой стороны, под прямым влиянием банков в царской России сформировалось дисгармоничное сообщество фирм с гипертрофированно развитой крупной промышленностью, недоразвитым малым и средним бизнесом и отсутствием инновационного сектора. Велика ответственность банков и за синдицирование российской промышленности, которое помешало превращению крупных российских предприятий в эффективных массовых производителей. В целом очевидно наличие мощного и, одновременно, амбивалентного (как в позитивную, так и в негативную стороны) влияния банков на процесс становления национального сообщества фирм. Представляется, что опыт прошлого указывает на необходимость государственного регулирования институциональных отношений промышленности и банков в наше время.

Ключевые слова. Взаимоотношение промышленности и банков, формирование национального сообщества фирм, индустриализация в Российской империи, теория индустриализации Гершенкрона, «новые комбинации» Шумпетера.

Информация о статье. Дата поступления 9 декабря 2020 г.; дата принятия к печати 18 февраля 2021 г.; дата онлайн-размещения 3 марта 2021 г.

A. Yu. Yudanov

*Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, the Russian Federation*

THE ROLE OF BANKS IN SHAPING THE COMMUNITY OF FIRMS (THEORIES AND RUSSIAN HISTORY)

Abstract. The paper is devoted to industrialization, which was the turning point of Russia's economic history, and to the resulting formation of the modern type national community of companies. From the perspective of the economic theory, the role of banks in the formation of a community of firms in the Russian Empire is considered in the article. The synthesis of two classical concepts is proposed: the decisive role of banks in public approval of innovation (Joseph Alois Schumpeter) and «the mission of banks» in the industrialization of backward states (Alexander Gerschenkron). It is concluded that not only German (as Gerschenkron believed), but also Russian banks fulfilled the historical mission of creating the large industry. On the other hand, under the direct influence of banks in Tsarist Russia a disharmonious community of firms was formed. It was characterized by hypertrophied large industry, underdeveloped small and medium-sized businesses as well as by the lack of an innovative sector. The responsibility of the banks is also enormous for syndicating Russian industry, which prevented the transformation of large Russian enterprises into efficient mass producers. In general, it is obvious that there is a strong and, at the same time, ambivalent (both positive and negative) influence of banks on the formation of the

national community of firms. It seems that the past experience points to the need for state regulation of institutional bank-industry relations in our time.

Keywords. Bank-industry Relations, Formation Of National Community Of Firms, Industrialization in The Russian Empire, The Theory Of Industrialization Of Alexander Gerschenkron, Schumpeterian «New Combinations».

Article info. Received December 9, 2020; accepted February 18, 2021; available online March 3, 2021.

Взаимоотношения банков и промышленности являются важной составляющей развития рыночной экономики в любой исторический период, а в отдельные моменты они приобретают исключительное значение. Настоящая работа посвящена поворотной точке экономической истории России — индустриализации и вызванному ею становлению национального сообщества компаний современного типа. Оговоримся: статья является не историческим исследованием, а размышлениями экономиста-теоретика по поводу экономической истории. На наш взгляд, для выбора этого ракурса имеются основания.

Развитие нашей страны за последние века отличается от истории большинства государств. Россия постоянно была «особым случаем»: сначала как великая полуфеодальная — полукапиталистическая империя, затем как метрополия социализма и, наконец, как крупнейшая постсоциалистическая держава, один из полюсов многополярного мира. В этих условиях важной задачей становится изучение русской исторической специфики в рамках общемировой теоретической трактовки экономических процессов. В сфере изучения взаимоотношений банков и промышленности наиболее известную попытку этого рода предпринял еще в 1940–1960-х гг. Александр Гершенкрон, связавший особенности индустриализации России и формирования в ней капиталистически организованного сообщества компаний с отсталостью страны.

1. Гипотеза Гершенкрона: взлет, смерть ... и жизнь после смерти

Формирование современного типа национальных сообществ компаний происходит в эпоху индустриализации с появлением крупных предприятий. Используя биологический термин, крупные фирмы часто называют эдификаторами (лат. *aedificator* — строитель), т.е. средообразующими субъектами национальной экосистемы фирм, предопределяющими то место, которое в ней занимают остальные типы компаний. Александр Гершенкрон утверждал, что в Англии, наиболее развитой стране, первой начавшей индустриализацию, творцами технического переворота были небольшие фирмы, приобретавшие оборудование за счет реинвестирования прибылей [1, р. 6–30]. Превращение фирмы в крупное предприятие шло шаг за шагом, каждый из которых совершался по мере накопления собственных средств. Банки в этом процессе играли минимальную роль. Они кредитовали текущие операции, но не финансировали инвестиционную активность. Таким образом, при индустриализации страны-лидера (Англия первой реализовала практически все главные инновации этого времени), как капитал, необходимый для формирования крупной компании, так и опыт ведения крупного бизнеса, были результатом естественного роста предприятия.

Германия отставала по сравнению с Англией и пережила индустриализацию позднее и в изменившихся условиях. Оптимальный размер промышленных предприятий вырос настолько, что малой фирме стало невозможно постепенно расти за счет реинвестиции прибылей. В конкуренции с крупными английскими компаниями она бы разорилась задолго до того, как достигла минимального эффективного размера. Источником капитала для создания крупных предприятий (а порой и непосредственными организаторами новых фирм) в Германии стали ин-

вестиционные банки, вкладывавшие большие суммы в капитал крупных предприятий не пошагово, в ходе растянутого во времени увеличения размера, а сразу создавая гигантов.

Вклад банков в процесс индустриализации А. Гершенкрон считал их исторической миссией, миссией непонятой ни современниками, ни даже потомками. Дело в том, что в 1951 г., когда вышло его знаменитое эссе «Экономическая отсталость в исторической перспективе», свежо было воспоминание о сокрушительном кризисе 1929–1933 гг. В это время большинство исследований взаимоотношений банков и промышленности концентрировало свое внимание на свойственной инвестиционным банкам практике размещать капитал в промышленные акции. Как известно, в результате обвального падения курса акций за «чёрную неделю», начавшуюся в четверг 24 октября 1929 г., именно эта, говоря современным языком, «стресс-неустойчивая» стратегия банков привела их к массовому разорению. Суммарное падение стоимости акций достигало 40 %. Соответствующими были и потери банков. Во многом именно из-за дезорганизации банковской системы кризис достиг масштабов Великой депрессии.

По мнению А. Гершенкрона, те, кто видят в сращивании банков с промышленностью лишь фактор неустойчивости банковской системы, упускают главное. В исторической перспективе важны не эти негативные побочные эффекты, а то, что инвестиционные банки позволили родиться крупной промышленности, сокрушить которую в дальнейшем не смогли никакие потрясения, в том числе и спровоцированные недалёковидностью самих банков. Для Германии, США и некоторых других догоняющих экономик это был поворотный момент, предопределивший занятие ими достойного места среди развитых стран.

Отсталость Российской империи была еще сильнее, чем Германии. В подобных ей странах, полагал

А. Гершенкрон, индустриализацию нельзя было провести не только путем реинвестирования прибылей, но и за счет банковского финансирования. Поскольку банковская система в таких странах слаба и отстала, организатором индустриализации становится государство. В России в 1880–1890-е гг. оно принудительно, через налоги собирает средства со всего населения страны и направляет их на строительство железных дорог и создание промышленности.

В 1960-е гг. теория Гершенкрона получила широкое признание¹ и известность. Крупный американский специалист по индустриализации России В. Блеквелл, например, почти дословно повторил оценку Гершенкрона, говоря, что в условиях социально-экономической отсталости «при сравнительной незначимости внутренних частных предприятий государство являлось единственным агентом внутри России, обладавшим потенциалом для преодоления барьера индустриализации» [2, p. 121–122].

Признаком успеха работы А. Гершенкрона стали и расширительные трактовки его подхода. Английский историк Э. Карр [3] распространил эту логику на индустриализацию СССР, неожиданно вызвав этим резкое неудовольствие А. Гершенкрона. По мнению последнего, сталинский путь индустриализации за счет принудительной централизации ресурсов страны не был объективно необходимым. В отличие от действий царского правительства, он диктовался не уменьшившейся к тому времени отсталостью страны, а политическим выбором [4, p. 114–117].

В наши дни, хотя говорить об индустриализации Российской Федерации, вроде, совсем неправомерно, логика Гершенкрона используется вновь. Так, финансирование государством экономического подъема и формирования в стране корпоративного сообщества в

¹Разумеется, по политическим причинам, за пределами СССР.

начале 2000-х гг. описывается как способ компенсации отсталости, понимаемой в данном случае как господство плохих институтов и неразвитость рыночных отношений. Авторы расценивают государственное вмешательство как «необходимое субоптимальное решение» (a necessary second-best policy response) [5, p. 996].

Последующая судьба концепции А. Гершенкрона своеобразна. После успеха она подверглась сокрушительной критике. Большинство исследований (подборку критических статей см. [6]) не подтвердили зависимости между степенью отсталости страны и формами ее индустриализации. Зафиксировано множество отклонений от схемы А. Гершенкрона по странам и регионам. Применительно к Восточной Азии, например, источником финансирования индустриализации являлись не банки и лишь отчасти государство. Основной же вклад внесли доходы от экспорта [7].

Более того, подвергаются сомнению и выводы А. Гершенкрона применительно к Англии, Германии, России, т.е. к тем странам, на материалах которых он создавал теорию. Так, исследование Ст. Хеблича и А. Трю [8] выявило большую роль банков в процессе индустриализации Англии и Уэльса, хотя по Гершенкрону значительное влияние банки оказали лишь в догоняющих экономиках. Напротив, в Германии, в которой роль банков по Гершенкрону была решающей, Р. Диг считает ее второстепенной: «Общая критика Гершенкрона дополнительно подтверждается тем фактом, что для [немецких. – А.Ю.] фирм скорее типична независимость от влияния банков, поскольку они по большей части сами финансируют свои инвестиции» [9, p. 89].

Именитые американские исследователи Д. Асемоглу и Дж.А. Робинсон [10] ставят под сомнение даже универсальность главной идеи Гершенкрона, о том, что вызванные отсталостью барьеры на пути индустриализации преодолеваются усилиями банков или

государства. По их мнению, индустриализация часто вызывает у господствующих элит опасения, что из-за нее они могут утратить нынешний доступ к рентам. Поэтому они стараются тормозить, а не форсировать становление крупных предприятий (например, железных дорог). Царской России в этой работе уделено мало внимания, но авторы включают ее в одну группу с Австро-Венгрией и Испанией, где реализовался именно негативный сценарий торможения.

Парадоксально, но негативный исход эмпирической проверки не оборвал жизнь концепции Гершенкрона. Вместо того, чтобы забыть опровергнутую теорию, ученое сообщество уже более 50-ти лет не устает ее критиковать. Представляется, что дело здесь в отсутствии альтернативы подходу А. Гершенкрона. Потребность в содержательном объяснении роли банков в индустриализации заставляет вновь и вновь возвращаться к его работам как к точке отсчета, хотя бы только затем, чтобы опять указывать на их неточность, неуниверсальность и т.д.

2. Шумпетер, банки и разнообразие типов фирм

Путь к преодолению описанного тупика наметил в 1990-х гг. Х. Линдгрэн [11, р. 3–5]. Он выявил глубинное единство подхода А. Гершенкрона и теории инноваций Й. Шумпетера. Как известно, по Шумпетеру предприниматель не только представляет собой новатора, но и является разрушителем равновесия, дестабилизирующим отношения субъектов экономики. Саморегуляция рынка и новаторские усилия предпринимателя противостоят друг другу. Внедряя инновации (по Шумпетеру – «новые комбинации») разного свойства: в технологиях, в формах организации предприятий, в продуктах, в используемом сырье и т.д., предприниматель стремится вырвать ресурсы из сложившегося, как правило, прибыльного кругооборота, чтобы перенаправить их в новые сферы. Де-

ляется это ради будущих выгод, в получении которых сам он уверен, но которые отнюдь не очевидны для других участников рынка. Последние, естественно, не спешат передавать ресурсы под контроль новатора.

Чем радикальнее инновация, предлагаемая предпринимателем, тем жестче сопротивление среды: судьба новаторов чаще безрадостна, чем удачна. Зачастую революционное изобретение не нужно ни бизнесу, ни государству, ни ученому сообществу. И дело не сводится к косности лиц, принимающих решения. Отказы отражают рациональную стратегию избегания риска. Ведь предлагаемое предпринимателем решение потому и является неординарным, что противоречит устоявшемуся мнению.

Проблема в том, что без внешней поддержки предприниматель не может внедрить инновацию. Ведь финансовые ресурсы, наличие разрушающей стереотипы идеи и знание отраслевой специфики бизнеса редко сходятся в одних руках. Те, кто уже заняты в отрасли, обычно не склонны к революционным изменениям. Они скорее нацелены на улучшения существующего бизнеса (любимым присловьем Шумпетера было: «не почтмейстеры изобрели железные дороги»). А старт-аперы, начинающие с нуля, опираются на личные накопления, деньги друзей и проч., т.е. на источники средств, ограниченные по размерам и не получающие регулярной подпитки.

Согласно Шумпетеру, преодолеть сопротивление рыночных сил новатору помогают банки. Таким образом, в осуществлении инноваций банки выполняют ровно ту же функцию, что и в гершенкеновском «немецком» пути индустриализации — меняют скудные собственные средства на доступ к масштабному внешнему финансированию. По этой причине Шумпетер называл банки «эфорами рыночной экономики» (эфоры, буквально «надзирающие» — члены правящей коллегии в древней Спарте) [12, с. 157–169]. При-

нимая решение о предоставлении кредита, банки разрешают или, наоборот, запрещают передачу ресурсов предпринимателю, и, следовательно, направляют и контролируют инновационный процесс.

В этом контексте гершенкромовская миссия банков в создании крупной промышленности в Германии выглядит частным случаем финансирования новаторской деятельности предпринимателя, конкретнее, финансированием целой волны организационных и технологических инноваций. Общая же проблема, видимо, состоит в выявлении сфер, где банки в ходе исторического развития *системным* образом способствуют инновациям в экономике. При этом удобным инструментом для конкретизации шумпетерианских взглядов на взаимосвязь между деятельностью банков и инновациями в экономике нам представляется изучение их влияния на разные типы² фирм, действующих в экономике.

Мы видим свою задачу в том, чтобы на российском материале рассмотреть, как банки в качестве эфоров рыночной экономики влияли на формирующееся в ходе индустриализации национальное сообщество компаний. Предстоит выяснить, способствовало ли поведение банковского сообщества в этот решающий период гармоничному (или, напротив, несбалансированному) выполнению каждым из основных типов фирм свойственной ему стратегии.

Остановимся несколько подробнее на финансовых потребностях фирм, придерживающихся разных типов стратегий.

С тех пор как примерно полтора века назад заметное распространение получили крупные компании, хозяйство развитых стран представляет собой сообщество фирм, принадлежащих к четырем основным типам. Во-первых, это сами крупные предприятия

²Подробнее проблематика типов фирм в контексте их конкурентных стратегий рассматривалась нами [13; 14].

(так называемые виоленты), проводящие стратегию массового производства. Суть ее состоит в выпуске стандартной продукции среднего качества и по умеренным ценам. Для виолентов большие размеры выпуска являются жизненной необходимостью. Только работа в режиме массового производства позволяет поддерживать издержки (в особенности средние постоянные издержки) на низком уровне.

Как показал еще А.Д. Чендлер, чтобы добиться рыночного успеха, крупному предприятию необходимо провести «три взаимосвязанных пакета инвестиций — в производство, сбыт и менеджмент — нацеленных на получение конкурентных преимуществ за счет экономии на масштабе или охвате производства, или на том и другом» [15, р. 35]. Именно на этом этапе становления крупного предприятия у него особенно велика потребность в банковских инвестиционных кредитах.

Второй — нишевый или специализированный — вариант стратегии (пациенты) состоит в ориентации на узкий сегмент рынка высококачественных и / или отличающихся особыми свойствами товаров и услуг. Фирмы этого типа обычно высоко рентабельны и имеют солидные резервы. Они относительно редко испытывают потребность в кредитах, выходящих за рамки обслуживания текущих операций. Такое случается только в моменты формирования специализации или перехода на принципиально новую продукцию.

Зато компании, проводящие стратегию прорывных инноваций (эксплеренты), вообще не могут существовать без внешних инвестиций. Эти малые фирмы, действующие в сфере научно-технического бизнеса, совершают большую часть всех радикальных инноваций в экономике. Но, по едкому замечанию Дж.В. Вильсона, на ранних этапах своего существования они являются фирмами «без активов, без продуктов, без продаж и решительно без всяких прибылей» [16, р. 8]. Исторически они получали ресурсы преиму-

щественно в форме банковского кредита, в наше время к нему добавились вложения венчурного капитала.

Выручка появится лишь, если эксперименты добьются успехов в производстве и сбыте инновационного продукта. Издержки же, причем немалые, приходится нести задолго до этого момента, например, при разработке продукта. Привлечение капитала (fundraising), поэтому является основой существования такой фирмы. Век с лишним назад компания Т.А. Эдисона (будущая «Дженерал электрик» – «GE») без кредитов моргановской группы банков или созданная Э. фон Ратенау в той же электротехнике «AEG» без берлинских банкиров были бы абсолютно нежизнеспособны. Старт-апы современной Силиконовой долины попали бы в столь же безнадежное положение, окажись они отрезанными от источников венчурного капитала.

Четвертый тип компаний – мелкие неспециализированные фирмы, коммутанты – осуществляет клиентоориентированную стратегию. Она заключается в приспособлении к локальной потребности рынка, существующей здесь и сейчас. В следовании спросу коммутантная стратегия требует от фирмы предельной гибкости: от радикальной смены ассортимента продуктов до закрытия предприятия и основания нового. Высокая потребность мелкого бизнеса в инвестиционных кредитах ныне является общепризнанной. Не случайно, именно льготное кредитование является стержнем большинства государственных программ по его поддержке.

Была ли заметной роль банков в становлении основных стратегических типов компаний в России?

3. Отсталый капитализм: русские банки и становление крупных предприятий

Первый в Российской империи акционерный банк – «Петербургский частный коммерческий банк» – начал свои операции в 1864 г., на столетия

отстав от первопроходцев банковского дела на Западе (генуэзский банк Святого Георгия, или Banco di San Giorgio учрежден в 1407 г.). К 1875 г. число акционерных банков в России достигло 33 и в дальнейшем почти не увеличивалось, за всю историю империи не превысив 50 банков.

Индустриализация страны в большой степени финансировалась государством. Так, прямо или косвенно (обычно, с помощью предоставления гарантий по акциям и облигациям с последующим их выкупом) в конце XIX — начале XX в. за государственный счет были сооружены практически все железные дороги на гигантской территории империи. Создание железнодорожной сети сыграло роль локомотива, обеспечив рост экономики и базу развития тяжелой промышленности в России.

В общих чертах ситуация в Российской империи (сочетание слабости банковской системы с выдающейся ролью государства), таким образом, соответствуют схеме индустриализации, развитой Гершенкроном для описания этого процесса в самых отсталых странах. Более подробное рассмотрение, однако, показывает, что в реальности «русский», государственный, сценарий индустриализации сочетался с «английским» и «германским» путями.

«Английский» путь индустриализации зафиксирован в одной, но важнейшей отрасли российской экономики — в текстильной промышленности. В 1893 г. в ней было сосредоточено 43,8 % акционерного капитала всей промышленности страны. К 1908 г. эта доля упала до 28,7 %, что все равно было очень много [17, с. 108–109]. При этом банки не играли заметной роли в процессе индустриализации текстильной индустрии. Напротив, как отмечал еще И.Ф. Гиндин, «высокие прибыли и семейный характер предприятий обеспечивали возможность обращать собственные накопления на расширение производства» [18, с. 301], т.е.

реинвестировать прибыли, как в английском сценарии. К схожим результатам приходят и современные исследования [19, с. 691]. Не оказал большого влияния на развитие отрасли и второй возможный, по Гершенкрону, актор запоздалой индустриализации — государство: «текстильная промышленность ... представляла собой яркий пример такой модернизации, когда в большинстве случаев дело развивалось за счет самофинансирования, без привлечения государства и иностранных капиталов» [20, с. 269–270].

Не играли банки заметной роли и в акционировании текстильной промышленности в 1900-х гг., когда произошел переход к продвинутым организационным формам крупных предприятий. Подавляющее большинство фирм было акционировано в юридическом статусе товариществ на паях, т.е. на семейной или дружеской основе [21].

Более того, отсутствие у русской текстильной промышленности потребности во внешних источниках финансирования трансформировало работавшую с ней московскую группу банков (вторую по величине в России). Она сосредоточилась на текущих операциях и, тем самым, приобрела черты «депозитных банков». За десятилетие до Гершенкрона И.Ф. Гиндин писал: «Русская текстильная промышленность развивалась в условиях наиболее типичных для промышленного капитализма, ... и московские банки по характеру своих операций более всего напоминают крупные провинциальные банки Англии» [18, с. 303]. Текстильная промышленность не только сама развивалась по «английскому» пути, но и формировала по тому же образцу обслуживавшие ее банки.

Еще большее значение, чем «английский» имел для России «германский» сценарий индустриализации. Как показывают расчеты, проделанные тем же И.Ф. Гиндиным, в 1908–1913 гг. прирост акционерного капитала тяжелой промышленности и крупных

предприятий других отраслей составил 770 млн р., а его финансирование банками (через счета Loro, On call) при разных методах оценки колеблется от 440 до 513 млн р. (т.е. от 57 % до 67 %). «Анализ кредитной и акционерной статистики приводит к выводу, что тяжелая промышленность и крупные предприятия других отраслей были за 1908–1913 гг. профинансированы банками в размерах, близких к приросту их акционерного капитала, и что большая часть акций ... осела в банках в порядке прямого или косвенного финансирования», – резюмирует исследователь [18, с. 341–342]. То есть, во многом индустриализация России опиралась на банковский («германский»), а не государственный («русский») источник финансирования. Далее мы увидим, что еще большую роль русские банки сыграли как организаторы крупных предприятий.

Как же слабая банковская система России справилась с такой нагрузкой? Во-первых, становление крупных предприятий, как уже сказано, прямо или косвенно поддерживало государство. Во-вторых, за русскими банками стоял иностранный капитал, которому в значительной степени принадлежали и сами банки. Сделанная еще в советские времена оценка говорит, что в 1916–1917 гг. иностранным собственникам принадлежало 44,1 % капитала 12 крупнейших банков России [22, с. 195]. Если учесть, что «топ-12» банков концентрировали около 4/5 общих пассивов акционерных банков, то очевидно, что влияние иностранного капитала было исключительно высоко. Недаром зафиксирован анекдотичный случай [23, с. 40], когда министр финансов России был вынужден выяснять у парижских банкиров, состоится ли слияние крупнейшего банка страны.

Впрочем, русские банки редко предоставляли инвестиционные кредиты. Зато банковские консорциумы играли центральную роль в размещении акций. Они держали у себя ценные бумаги предприятий до

тех пор, пока их не удавалось разместить на фондовых биржах Парижа или Петербурга. Доля иностранных инвесторов в акционерном капитале российских предприятий составляла: в 1893 г. – 23 %; в 1900 г. – 35 % и в 1908 г. – 40 % от стоимости всех выпущенных облигаций и акций (расчеты В.И. Бовыкина: [17, с. 168]).

Особо примечательна история отношений банков и промышленности. Во времена основной волны создания однозаводских крупных предприятий (1830-е гг.), банки активно приобретали акции промышленных фирм. При этом слабость национального рынка капиталов парадоксальным образом способствовала установлению тесных связей между теми и другими. Из-за малой емкости рынка капитала банки, взявшие на себя размещение акций, были вынуждены продавать их мелкими порциями в течение длительного времени. Эмиссия акций надолго оседала на консорциальных счетах банков. Доля таких счетов в активах банков, по оценкам [18, с. 330, 341], была в России в 3,5 раза больше, чем в германских банках, роль которых в индустриализации столь высоко оценивал Гершенкрон.

Во время кризиса и депрессии 1900–1908 гг. характер связей банков с промышленностью претерпел резкое изменение. Первой реакцией банков на ухудшение конъюнктуры стало сокращение кредитования и стремление избавиться от акций финансировавшихся ими предприятий. Однако без существенных убытков продать крупные пакеты акций было сложно. Поэтому банки, чтобы не допустить банкротства предприятий-должников, вынуждены были предоставлять им все новые и новые кредиты. Но и это спасало не всех.

Угроза потери вложений заставила банки перейти к непосредственному вмешательству в деятельность промышленных предприятий, навязывать им объединение в синдикаты. И.М. Гольдштейн, профессор Московского университета и современник событий пи-

сал: «Вступление в синдикат, в виду понижения риска, само собой разумеется, должно было облегчить получение кредита от банков; этот факт и заставил, в конце концов, под давлением банков многие предприятия отказаться от предъявлявшихся ими слишком далеко идущих требований, затруднявших создание синдикатов» [24, с. 38].

Так, в 1902 г. по инициативе даже не самих русских банков, а главных акционеров нескольких из них, а именно – французского и бельгийского банков Societe Generale и Парижско-Нидерландского банка был организован крупнейший синдикат России «Продамета». В 1905 г. Французские Societe General и Comptoir National d'Escompte стали создателями второго по значимости синдиката «Продуголь». Петербургский международный банк (№ 2 среди русских банков) выступил организатором нефтяного синдиката «Нобмазут» и т.д.

Наконец, после 1903 г. в обстановке подъема, длившегося вплоть до Первой мировой войны, банки вернулись к политике финансовой экспансии. Предоставление кредитов и скупка акций при этом концентрировалась преимущественно внутри круга промышленных предприятий, уже вошедших в синдикаты. Эта связка банки – синдикаты фактически закрепила олигополизацию российского рынка.

Таким образом, банки сыграли значительную роль в финансировании становления крупных предприятий в России, а их влияние на формирование синдикатов вообще следует признать решающим. В целом подтверждая на русском материале наличие гершенкрановской «миссии банков», обратим внимание на две особенности. Во-первых, банки явно сами сознательно не инициировали инновации в экономике. Наоборот, они приспособливались к обстановке, оппортунистически меняя свое поведение, как только менялись условия. Сначала, польстившись на баснос-

ловную прибыльность эмиссионно-учредительских операций, банки оказались тесно связанными с промышленностью. После ухудшения конъюнктуры — подобно банкам других стран (см., например, работу А. Тейховой, описавшую стратегию банков Центральной Европы в межвоенный период [25, р. 20–26] — попытались избавиться от ставших обременительными связей. Потерпев и в этом неудачу, вынуждены были использовать свое влияние на кредитуемые фирмы, чтобы оздоровить ситуацию на рынке. При этом способ оздоровления был избран самый жесткий — сокращение предложения за счет синдицирования основных производителей.

Во-вторых, синдикаты оказались чуть ли не худшей формой организации промышленности, существенно затруднившей превращение крупных предприятий в эффективных массовых производителей. Их появление объяснялось тем, что законодательство Российской империи запрещало сговор продавцов, делая невозможным легальное создание картелей. Обойти закон удавалось с помощью создания так называемой «конторы». Юридически это центральное звено синдиката являлось торговой компанией, акции которой принадлежали его участникам. Последние, каждый по отдельности, заключали с конторой двусторонние соглашения о продаже через нее всей (!) выпущенной продукции. Благодаря этой уловке, участники синдиката формально друг с другом не стоваривались, но действовали как единое целое благодаря общей сбытовой системе.

Очевидно, что при такой организации дела производители были отрезаны от сбыта своей продукции. Сомнительной была и их способность самостоятельно определять инвестиционную стратегию, так как размер выпуска фиксировался договором с конторой. Наконец, система менеджмента фирм-участников искусственно консервировалась на стадии

однозаводской компании. Со своей стороны, контора не имела иных полномочий кроме сбытовых и, следовательно, не могла взять на себя функций полноценного холдинга по отношению к участникам синдиката. В итоге все три сферы, в которых крупная компания должна добиться экономии на масштабах производства (производство, менеджмент, сбыт) получали в синдикатах недостаточное, рахитичное развитие. Ими просто некому было заниматься: ни контора, ни участники синдиката не имели достаточных полномочий для этого.

4. Малый и средний бизнес имперской эпохи и банки

В отличие от финансирования и долгосрочного кредитования крупных компаний аналогичные операции по отношению к другим типам фирм не были приоритетом русских банков. Известный политик А.М. Безобразов констатировал: «Крупные промышленные предприятия имеют и сейчас уже финансирующие их органы ... другое дело мелкие и средние... Тогда как торговец всегда находит кредит, промышленник всегда находится в загоне. Если у промышленника есть медный рудник и ему нужно каких-нибудь 15 тыс. р., или хлопководство и нужно 3 тыс. р., или на виноделие нужно достать 1,5 тыс. р., то этих денег он не получит. Государственный банк денег не даст, коммерческий банк эта сумма не заинтересует» (цит. по: [18, с. 297–298]). Подобное мнение было в России конца XIX — начала XX в. общепринятым. Об этом свидетельствуют не только многочисленные аналогичные высказывания, но и непрерывный поток проектов создания (обычно, государственного) банка, который, наконец, взял бы на себя функции кредитования мелкой и средней промышленности.

Совет съезда промышленности и торговли в докладе за 1915 г. прямо связывает с политикой банков гипертрофированное развитие крупного бизнеса за

счет малого и среднего: «Россия потому является страной исключительного развития крупной промышленности, что в ней отсутствует правильно организованный промышленный кредит» [18, с. 297–298]. Не случайно, во многом из-за трудностей с кредитованием в России слабо развивались те отрасли (скажем, общее машиностроение), в которых обычно преобладают средние фирмы, придерживающиеся нишевой (пациентной) стратегии.

Причины, по которым банки уклонялись от кредитования мелких и средних предприятий (МСП), прямо связаны со слабым развитием и малым объемом рынка капиталов. Резко ограниченному предложению капитала противостояли: а) практически ненасытный спрос государства; б) потребность торговли в быстро оборачивающихся средствах; в) потребности в финансировании уже описанных высокодоходных эмиссионных программ крупных фирм. При таком обилии первоклассных заемщиков ввязываться в рискованные операции с небольшими промышленными фирмами для банков были невыгодно. Подтверждением такого крена банковской активности может служить почти полное отсутствие в России (кроме Прибалтийских губерний) сколько-нибудь значимых провинциальных банков. За пределами столиц находилась подавляющая часть мелкой и средней русской промышленности. Но там не возникали банки – в провинции они не находили для себя дела.

Отдельно выделяется проблема доступа к банковскому долгосрочному кредитованию и финансированию для особого типа МСП – инновационных фирм (эксплерентов). Судя по всему, как системного явления, банковского финансирования инновационного сектора просто не было (чего не скажешь о современных царской России развитых странах). У новаторов был лишь один способ получения средств – обращение за государственной помощью. В роли

финансовых доноров чаще всего выступали морское или военное министерства. Разумеется, эффективность такого бюрократического пути научно-технического прогресса не была высокой. Но, нельзя ее и недооценивать. Государство в XIX в. играет заметную роль в инновационной активности всех развитых стран, а в почти непрерывно воевавшей Российской империи, по меньшей мере, интерес к совершенствованию вооружений и продуктов двойного назначения был значителен.

Сразу после Второй мировой войны в рамках борьбы с космополитизмом в СССР интенсивно разыскивались доказательства того, что именно России принадлежит мировой приоритет большинства важнейших изобретений. Как ни парадоксально, в ходе этой идеологизированной кампании были найдены объективные подтверждения того, что России принадлежит первенство в создании прототипов многих прорывных инноваций. Упомянем создание паровоза, электролампы, самолета, радио, подводной лодки, парашюта, комбинезона, противогаза и т.д. Причем в большинстве этих проектов значительную роль играли государственные субсидии.

Важно, однако, что ни один из них не стал базой для возникновения крупного русского производителя, фирмы-мирового лидера соответствующей отрасли. Другими словами, якобы косное и консервативное царское правительство помогало новаторам в создании промышленных образцов, организации мелкосерийного производства, доступе к государственным заказам. Некоторые примеры поражают. Так, в России на государственные деньги впервые в мире было налажено серийное строительство подводных лодок (50 штук). Напротив, русские банки роль эфоров рыночной экономики не выполнили, они не создали экономических условий широкомасштабного внедрения инноваций.

5. Выводы и обсуждение

Итак, формирование сообщества компаний в до-революционной России в общих чертах соответствует концепции А. Гершенкрона с тем уточнением, что в реальности наряду с ее «русской» версией реализовывались также «английский» и «германский» сценарии. Этот нюанс кажется нам скорее конкретизацией, чем подрывом логики Гершенкрона. «Английский» вариант создания крупных компаний путем самофинансирования представляется для России частным (хотя и важным) случаем, а не общей закономерностью. Территориально удаленная, опиравшаяся на дешевую рабочую силу, активно использовавшая географические преимущества страны в экспорте продукции на Восток, русская текстильная промышленность вполне могла вырасти, опираясь на собственные силы³, подобно тому, как это проделали английские первопроходцы индустриализации. Не случайно текстильная промышленность ориентировалась на Москву, относительно изолированную старую столицу, а не на открытый ветрам европейской конкуренции Санкт-Петербург. И, как и в Англии, банки в этом процессе «естественного накопления капитала» играли скорее инфраструктурно-обеспечивающую, чем активную роль.

А вот «германский», банковский сценарий индустриализации – для России далеко не частность. Он проявил себя не менее сильно, чем собственно «русский», государственный путь. Можно даже говорить о взаимном переплетении обоих сценариев. Крупная промышленность во многом привлекала банки именно тем, что пользовалась государственной поддержкой. С другой стороны, успех государственных программ индустриализации помимо прочего был

³ Немалую роль сыграл и внеэкономический фактор – старобрядчество большинства текстильных фабрикантов. «Опоре на собственные силы» способствовала сплоченность религиозных общин.

обусловлен тем, что банки создали канал массового размещения акций, используя для этого как свои средства, так и привлечение иностранного капитала. В целом не только немецкие, но и русские банки выполнили историческую миссию создания крупной промышленности.

При более детальном анализе роль банков, однако, оказывается противоречивой. Во-первых, необходимые инновации поддерживались банками избирательно. Мы убедились в этом на примере гипертрофированного развития крупной промышленности на фоне недостаточного финансирования банками МСП, фирм реального сектора и, особенно, инновационных компаний. В царской России под прямым влиянием банков сформировалось дисгармоничная популяция фирм, что во многом предопределило слабость экономики страны. Во-вторых, поддержанные банками шумпетерианские «новые комбинации» далеко не всегда были лучшими. Мы имеем в виду синдицирование российской промышленности, которое сдерживало формирование у крупных предприятий собственных сбытовых сетей, тормозило появление в России многозаводских и мультифункциональных форм организации крупного бизнеса, ограничивало инвестиционную активность и усиливало монополизацию экономики. Россия познакомилась с экономикой дефицита не в советскую эпоху, а перед Первой мировой войной, когда созданные банками синдикаты один за другим провоцировали угольный, железный, нефтяной голод.

Подчеркнем, что сомнительные действия банков в ходе тектонической инновационной перестройки экономики были с их собственных позиций рациональными. Они способствовали «новым комбинациям», но делали это в режиме своекорыстной реакции на изменения обстановки. Вспомним, к примеру, метания банков, не знавших, как поступить с пакетами акций крупных предприятий в ходе конъюнктурных колебаний.

Это наблюдение может быть легко интерпретировано в духе шумпетерианской теории как предсказуемое, абсолютно нормальное поведение банков. В противоборстве с рутинно функционирующей экономикой визионер-предприниматель опирается на банковское финансирование. Но, принимая на себя связанный с ним риск, сами банки остаются частью рутинной системы (также как страховые компании, для которых работа с рисками является сердцевинной бизнес-насыщенной, сами отнюдь не являются рискованными предприятиями). Банки, а в наши дни еще и венчурные фонды, могут играть роль эфоров и отделять перспективные инновации от фантазий потому, что сами сохраняют к ним жестко коммерческий, критический подход.

Описывая предпринимателя, Й. Шумпетер молчаливо подразумевал, что его деятельность позитивна для экономики в целом. То же, причем в более явной форме А. Гершенкрон относил к «миссии банков». Между тем, за прошедшие с выхода классических работ десятилетия экономическая наука установила, что в обоих случаях налицо романтизация «новых комбинаций». Работы У. Баумоля [26], в дальнейшем развитые З. Аксом [27; 28] и другими исследователями, показали, что предпринимательство бывает не только продуктивным, но и непродуктивным (т.е. не создающим, а лишь перераспределяющим ценности) и даже деструктивным, сокращающим производство фактором.

То, какой из трех типов предпринимательства возобладает в конкретном случае, зависит от институциональной среды. Мы возвращаемся к описной Гершенкромом роли государства, но с новой стороны. С этой точки зрения симбиоз банковского и государственнического путей индустриализации приобретает критически важное значение. Иницилируя преобразования экономики, государство должно учитывать влияние банковской системы на характер инновационной активности, включая становление новых организационных форм бизнеса. То,

примут ли они продуктивный, непродуктивный или деструктивный характер не должно зависеть от сиоимичной максимизации банками своей прибыли.

В период индустриализации конца XIX — начала XX в. государство, судя по всему, не слишком заботилось о создании правильной мотивации у «эффоров рыночной экономики». В итоге банки сыграли чуть ли не главную роль в разрушительном для страны синдицировании русской промышленности. Полтора века спустя мы знаем, что события повторились в 90-е гг. XX в., когда в ходе постсоциалистической перестройки, банки стали двигателем олигархизации страны. Важно не забыть этот негативный опыт, если стране вновь придется перестраиваться, приспособляясь к деглобализующейся [29; 30] экономике XXI в.

Список использованной литературы

1. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays / A. Gerschenkron. — New York : Praeger, 1965. — 456 p.
2. Blackwell W. The Beginnings of Russian Industrialization, 1800–1860 / W. Blackwell. — Princeton : Princeton Univ. Press, 1968. — 484 p.
3. Carr E.H. The Foundations of a planned Economy / E.H. Carr // A History of Soviet Russia. Collection of 14 vols. / E.H. Carr. — London : Macmillan, 1969. — Vol. 6.
4. Gerschenkron A. Europe in the Russian Mirror / A. Gerschenkron. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1970. — 158 p.
5. Vanteeva N. Gerschenkron Revisited: The New Corporate Russia / N. Vanteeva, Ch. Hickson // Journal of Economic Issues. — 2015. — Vol. 49, no. 4. — P. 978–1007.
6. The Origins of National Financial Systems. Alexander Gerschenkron reconsidered / ed. J.F. Douglas, V. Daniel. — London : Routledge, 2003. — 254 p.
7. Gunnarsson Ch. Misinterpreting the East Asian Miracle — a Gerschenkronian Perspective on Substitution and Advantages of Backwardness in the Industrialization of Eastern Asia / Ch. Gunnarsson // Diverse Development Paths and Structural Transformation in the Escape from Poverty / ed. M. Andersson, T. Axelson. — Oxford Scholarship Online, 2016. — P. 93–127.

8. Hebllich St. Banking and Industrialization / St. Hebllich, A. Trew // School of Economics and Finance Discussion Paper. — 2015. — No. 1502. — P. 1-75.
9. Deeg R. On the Development of Universal Banking in Germany / R. Deeg // The Origins of National Financial Systems. Alexander Gerschenkron reconsidered / ed. D.J. Forsyth, D. Verdier. — London : Routledge, 2003. — P. 87-104.
10. Acemoglu D. Economic Backwardness in Political Perspective / D. Acemoglu, J.A. Robinson // American Political Science Review. — 2006. — Vol. 100, no. 1. — P. 115-131.
11. Lindgren H. Introduction: The Research Agenda and Its Intellectual Setting / H. Lindgren // European Industry and Banking Between the Wars / ed. P.L. Cottrell, H. Lindgren, A. Teichova. — Leicester : Leicester Univ. Press, 1992. — 240 p.
12. Шумпетер Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. — Москва : Прогресс, 1982. — 455 с.
13. Юданов А.Ю. Теория конкуренции: прикладные аспекты / А.Ю. Юданов // Мировая экономика и международные отношения. — 1997. — № 6. — С. 41-53.
14. Юданов А. Выбор стратегии — решающий фактор конкурентоспособности / А. Юданов // Высшее образование в России. — 2006. — № 9. — С. 39-46.
15. Chandler A. Scale and Scope. The Dynamics of Industrial Capitalism / A. Chandler. — Cambridge : Belknap Press, 1990. — 860 p.
16. Wilson J.W. The New Venturers: Inside the High-Stakes World of Venture Capital / J.W. Wilson. — Reading : Addison-Wesley, 1985. — 237 p.
17. Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России: конец XIX в.-1908 / В.И. Бовыкин. — Москва : Наука, 1984. — 287 с.
18. Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России / И.Ф. Гиндин. — Москва : Госфиниздат, 1948. — 454 с.
19. Петров Ю.А. Этноконфессиональный фактор в контексте московского предпринимательства, вторая половина XIX — начало XX в. / Ю.А. Петров // Старообрядчество в России (XVII-XX в.) : сб. науч. тр. / отв. ред. Е.М. Юхименко. — Москва, 2010. — Вып. 4. — С. 688-698.
20. Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества / Д.Е. Расков. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербурга. гос. ун-та, 2012. — 344 с.
21. Иванова Н.А. Промышленный Центр России, 1907-1914 гг. / Н.А. Иванова. — Москва : ИРИ, 1995. — 283 с.

22. Атлас З.В. Банки в дореволюционной России / З.В. Атлас // Большая советская энциклопедия. — Москва, 1950. — Т. 4. — С. 194–196.

23. Ванаг Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны / Н. Ванаг. — Москва : Изд-во Ком. ун-та им. Свердлова, 1925. — 192 с.

24. Гольдштейн И.М. Благоприятна ли русская действительность для образования синдикатов и трестов? / И.М. Гольдштейн. — Москва : Тип. Сомовой, 1913. — 66 с.

25. Teichova A. Rivals and Partners: Reflections on Banking and Industry in Europe, 1880-1838 / A. Teichova // European Industry and Banking Between the Wars / ed. P.L. Cottrell, H. Lindgren, A. Teichova. — Leicester : Leicester Univ. Press, 1992. — P. 20–26.

26. Baumol W.J. Entrepreneurship: Productive, Unproductive and Destructive / W.J. Baumol // Journal of Political Economy. — 1990. — Vol. 98, no. 5. — P. 893–921.

27. Desai S., Ács Z.J. A Theory of Destructive Entrepreneurship / S. Desai, Z.J. Ács // Jena Economic Research Papers. — 2007. — No. 085. — P. 1–43.

28. Desai S., Ács Z.J., Weitzel U. A Model of Destructive Entrepreneurship / S. Desai, Z.J. Ács, U. Weitzel. UNU-WIDER Working Paper. — 2010. — No. 34. — P. 1–18.

29. Успенский В.А. Дискуссия об автаркии и Дж.М. Кейнс: все еще актуальная тема? / В.А. Успенский, А.Ю. Юданов. — DOI: 10.17150/2308-2488.2017.18(3).488-507 // Историко-экономические исследования. — 2017. — Т. 18, № 3. — С. 488–507.

30. Успенский В.А. Национальная самодостаточность: актуальны ли еще предложения Дж.М. Кейнса? / В.А. Успенский, А.Ю. Юданов // Экономика. Налоги. Право. — 2016. — Т. 9, № 4. — С. 32–39.

References

1. Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. New York, Praeger, 1965. 456 p.

2. Blackwell W. *The Beginnings of Russian Industrialization, 1800–1860*. Princeton, Princeton University Press, 1968. 484 p.

3. Carr E. H. The Foundations of a Planned Economy. In E.H. Carr *A History of Soviet Russia. Collection of 14 volumes*. London, Macmillan, 1969. Vol. 6.

4. Gerschenkron A. *Europe in the Russian Mirror*. Cambridge University Press, 1970, 158 p.

5. Vanteeva N., Hickson Ch. Gerschenkron Revisited: The New Corporate Russia. *Journal of Economic Issues*, 2015, vol. 49, no. 4, pp. 978–1007.

6. Douglas J.F., Daniel V. (eds). *The Origins of National Financial Systems. Alexander Gerschenkron reconsidered*. London, Routledge, 2003. 254 p.
7. Gunnarsson Ch. Misinterpreting the East Asian Miracle – a Gerschenkronian Perspective on Substitution and Advantages of Backwardness in the Industrialization of Eastern Asia. In Andersson M., Axelsson T. (eds). *Diverse Development Paths and Structural Transformation in the Escape from Poverty*. Oxford Scholarship Online, 2016, pp. 93–127.
8. Hebllich St., Trew A. Banking and Industrialization. *School of Economics and Finance Discussion Paper*, 2015, no. 1502, pp. 1–75.
9. Deeg R. On the Development of Universal Banking in Germany. In D.J. Forsyth, D. Verdier (eds). *The Origins of National Financial Systems. Alexander Gerschenkron reconsidered*. London, Routledge, 2003, pp. 87–104.
10. Acemoglu D., Robinson J. A. Economic Backwardness in Political Perspective. *American Political Science Review*. 2006, vol. 100, no. 1, pp. 115–131.
11. Lindgren H. Introduction: The Research Agenda and Its Intellectual Setting. In P.L. Cottrell, H. Lindgren, A. Teichova (eds). *European Industry and Banking Between the Wars*. Leicester University Press, 1992. 240 p.
12. Schumpeter J. *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. Leipzig, 1912. 548 s. (Russ. ed.: Shumpeter J. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya*. Moscow, Progress Publ., 1982. 455 p.).
13. Yudanov A.Yu. Theory of Competition: Applied Aspects. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 1997, no. 6, pp. 41–53. (In Russian).
14. Yudanov A. The Choice of Strategy as a Key Factor of Competitiveness. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2006, no. 9, pp. 39–46. (In Russian).
15. Chandler A. *Scale and Scope. The Dynamics of Industrial Capitalism*. Cambridge, Belknap Press, 1990. 860 p.
16. Wilson J.W. *The New Venturers: Inside the High-Stakes World of Venture Capital*. Reading, Addison-Wesley, 1985. 237 p.
17. Bovykin V.I. *Formirovanie finansovogo kapitala v Rossii: konets XIX v. – 1908* [The Formation of Financial Capital in Russia: the End of the XIX century-1908]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 287 p.
18. Gindin I.F. *Russkie kommercheskie banki. Iz istorii finansovogo kapitala v Rossii* [Russian Commercial Banks. From the History of Financial Capital in Russia]. Moscow, Gosfinizdat Publ., 1948. 454 p.

19. Petrov Yu.A. Ethnic-and-Religious Factor in Relation to Moscow Entrepreneurship in the late 19th and the early 20th centuries. In Yukhimenko E.M. (ed.). *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX v.)* [Old Belief in Russia (XIX– XX century)]. Moscow, 2010, iss. 4, pp. 688–689. (In Russian).

20. Raskov D.E. *Ekonomicheskie instituty staroobryadchestva* [The Economic Institutions of the Old Believers]. Saint Petersburg State University Publ., 2012. 344 p.

21. Ivanova N.A. *Promyshlennyyi Tsentr Rossii, 1907–1914 gg.* [Industrial Centre of Russia, 1907–1914]. Moscow, IRI Publ., 1995. 283 p.

22. Atlas Z.V. Banks in Pre-revolutionary Russia. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Moscow, 1950, vol. 4, pp. 194–196. (In Russian).

23. Vanag N. *Finansovyyi kapital v Rossii nakanune mirovoi voiny* [Financial Capital in Russia on the Eve of the World War]. Moscow, Sverdlov Communist University Publ., 1925. 192 p.

24. Gol'dshtein I.M. *Blagopriyatna li russkaya deistvitel'nost' dlya obrazovaniya sindikatov i trestov?* [Is Russian Reality Good Enough for Establishing Syndicates and Trusts?]. Moscow, Somova Typography Publ., 1913. 66 p.

25. Teichova A. Rivals and Partners: Reflections on Banking and Industry in Europe, 1880 – 1838. In Cottrell P.L., Lindgren H., Teichova A. (eds). *European Industry and Banking Between the Wars*. Leicester University Press, 1992, pp. 20–26.

26. Baumol W.J. Entrepreneurship: Productive, Unproductive and Destructive. *Journal of Political Economy*, 1990, vol. 98, no. 5, pp. 893–921.

27. Desai S., Ács Z.J. A Theory of Destructive Entrepreneurship. *Jena Economic Research Papers*, 2007, no. 085, pp. 1–43.

28. Desai S., Ács Z.J., Weitzel U. A Model of Destructive Entrepreneurship. *UNU-WIDER Working Paper*, 2010, no. 34, pp. 1–18.

29. Uspensky V.A., Yudanov A.Y. Is the Debate about the Autarky and J.M. Keynes Still Relevant? *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History and History of Economics*, 2017, vol. 18, no. 3, pp. 488–507. DOI: 10.17150/2308-2488.2017.18(3).488-507. (In Russian).

30. Uspensky V.A., Yudanov A.Y. National Self-sufficiency: Are Recommendations of J.M. Keynes Still Relevant? *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Law*, 2016, vol. 9, no. 4, pp. 32–39. (In Russian).

Информация об авторе

Юданов Андрей Юрьевич — доктор экономических наук, профессор, ординарный профессор, департамент

экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: yudanov@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-5011-9830; SPIN-код: 4800-9624; Author ID: 234467; WoS ResearcherID: AАН-4458-2020; Scopus Author ID: 53864419100.

Author

Andrei Yu. Yudanov — D.Sc. (Economics), Professor, Tenured professor, Department of the Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation, e-mail: yudanov@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-5011-9830; SPIN-code: 4800-9624; Author ID: 234467; WoS ResearcherID: AАН-4458-2020; Scopus Author ID: 53864419100.

Для цитирования

Юданов А.Ю. Роль банков в формировании сообщества фирм (теории и российская история) / А.Ю. Юданов. — DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(1).7-36 // Историко-экономические исследования. — 2021. — Т. 22, № 1. — С. 7-36.

For Citation

Yudanov A.Yu. The Role of Banks in Shaping the Community of Firms (Theories and Russian History). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2021, vol. 22, no. 1, pp. 7-36. DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(1).7-36. (In Russian).